
ОСОБЫЙ АРХИВ
СЛЕДЫ НА ПЕПЛЕ
ТАИСИЯ ВЕТРОВА

Таисия Ветрова
Следы на пепле

https://litres.ru/74736218
SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать лет назад в детском интернате «Заря» случился пожар. Официально его объяснили коротким замыканием в прачечной, и эту версию никто не проверял. Теперь один из выживших найден мёртвым в запертом гараже у промзоны, а в его лёгких нашли сажу с составом, который сняли с производства именно после того пожара.

Профайлер Вера Корф привыкла перепроверять собственные выводы и не доверяет чужой памяти, даже своей. Следователь Глеб Ставицкий отстранён от дела и находится на внутренней проверке. Вместе они пытаются восстановить, что произошло той ночью, но каждый свидетель, который начинает вспоминать, вскоре оказывается в опасности.

Из архивных томов пропадают листы, после каждого сеанса кто-то просматривает записи Веры, а отреставрированное здание «Зари» готовят к открытию под покровительством влиятельного чиновника. Над городом стоит дым торфяных пожаров, и запах гари въедается в одежду и бумаги. Кто стирает следы и что они скрывают?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Таисия Ветрова
Следы на пепле

Глава 1
Гараж у промзоны

Телефон зазвонил, когда вода в турке ещё не успела закипеть. Вера стояла у плиты в домашнем свитере и смотрела на тёмное пятно на дне джезвы, как будто от этого вода могла закипеть быстрее. Номер был незнакомый, городской.

Она выключила конфорку, вытерла руки о полотенце и только тогда ответила.

— Корф слушает.

— Вера Андреевна, это дежурный Старцев, — голос был сиплый, как у человека, который всю ночь провёл на ногах. — Нужно подъехать на станцию технического обслуживания за промзоной, гараж на задней линии. Мы его вскрыли в шесть утра.

— Что там?

— Мужчина, мёртв. Документы при нём. Ломов Денис Викторович, тридцать лет. — Старцев помолчал, и было слышно, как у него за спиной хлопает дверь и кто-то смеётся в коридоре. — Лапшин сказал, что вы его знаете. По работе.

Вера не ответила сразу. Она смотрела на окно, за которым ничего не было видно, кроме серой пелены. Торфяные пожары тянулись за окраиной уже третью неделю, и дым лежал над городом ровным слоем, без ветра, без просветов.

— Знаю, — сказала она. — Выезжаю.

Она положила трубку на стол рядом с синей папкой и несколько секунд не трогала её. Папка была старая, с потёртыми углами, и на обложке почерком, которым она писала только для себя, было выведено: «Заря. Список». Внутри лежали семь листов с фамилиями. Когда-то их было одиннадцать. Четверо отказались от встреч уже в первые недели, и она оставила их в списке, потому что вычёркивать людей из списка казалось ей неправильным. Против остальных стояли даты, пометки о явке и короткие фразы, которые она писала сразу после сеанса, не перечитывая: «молчал», «просил остановиться», «помнит запах».

Ломов был на третьем листе. Фамилия стояла в середине строки, как и все остальные, но рядом с ней она поставила две галочки, а не одну. Он приходил с осени. Сел тогда у двери, и за два часа не сказал ни слова, кроме «да» и «нет». В следующий раз пришёл раньше остальных и опять сел у двери. Однажды он сказал, что лучше помолчит, и она записала эту фразу, потому что она была честной.

Вчера сеанс был назначен на семнадцать ноль-ноль. В двадцать один четырнадцать на её телефон пришло сообщение: «Сегодня не смогу. Извините. Д. Л.»

Она ответила: «Хорошо. Перенесём на следующую неделю». Ответа не было.

Вера перечитала сообщение, как перечитывала всё, что касалось её работы, и отметила для себя, что оно написано без единой ошибки и без единого лишнего слова. «Не смогу» — не «не приду», не «заболел», не «уехал». Такая формулировка означала, что решение принято заранее, а причина находится не в нём самом.

Обычно пропущенный сеанс ничего не значил. Люди, которые пережили пожар пятнадцать лет назад, пропадали по сотне причин. Они болели, боялись, переставали доверять, уходили в работу, в запой, в тишину. Вера записывала это в протокол без выводов, потому что выводы у неё плохо держались, если опирались на чужую память.

Но теперь Ломов был мёртв. И это меняло не его прошлое, а то, как она будет смотреть на вчерашнее сообщение.

Она переложила папку в сумку, проверила диктофон, лежавший в боковом кармане, и заставила себя проверить его ещё раз. Батарея показывала полную зарядку. Она закрыла сумку, потом открыла снова и вынула из неё блокнот, в котором вела записи только по своим предчувствиям, и убрала его обратно.

В прихожей пахло гарью. Этот запах был в доме уже несколько дней, он проникал через щели в окнах, и его нельзя было проветрить. Вера набросила серое пальто, которое висело у двери, и только в лифте поняла, что оно пахнет точ-

но так же, как шторы в кухне и как её собственные волосы.

На улице было тепло, как бывает в конце марта перед дождём, но дождя не было. Воздух стоял мягкий, влажный, и в нём лежала горечь, которая оседала на языке. Солнце висело над крышами бледным пятном, похожим на монету, которую кто-то уронил в воду. Асфальт темнел от сырости, у бордюров стояли лужи с мутной плёнкой.

Вера шла к машине и смотрела себе под ноги. Машина стояла у подъезда, на два колеса на тротуаре, и на лобовом стекле лежал тонкий слой серой пыли. Она провела по стеклу рукой, и на ладони осталась чёрная полоса.

Она села за руль, не сразу включила зажигание и некоторое время сидела, положив обе руки на руль. Из приёмника шёл глухой голос диктора, который говорил о режиме предупреждения для жителей западных районов. Вера выключила радио.

Потом завела машину и выехала со двора. Миновала квартал, где в глубине прятались корпуса старого интерната. Из-за ограды виднелись леса и свежая кровля, на которой кто-то уже натянул синюю сетку. Вера не повернула голову. Она смотрела на дорогу, на пустые полосы, на мутные силуэты фонарей, которые ещё горели, хотя день был в разгаре.

У светофора на Заводской она остановилась и подождала, пока загорится зелёный. Потом свернула направо, к мосту через пути, где дым был гуще и где впереди уже виднелись ворота промзоны и кирпичная будка с полосатым шлагбау-

мом.

Она ехала медленно. Ей нужно было время, чтобы сложить в голове то, что она знала о Ломове, и то, чего не знала. Список был в сумке. Сообщение было в телефоне. Гараж был впереди, за станцией, в той части промзоны, куда в последние годы почти никто не заходил.

Вера переключила передачу и поехала к промзоне.

Дорога до промзоны заняла меньше времени, чем она рассчитывала. На пустом участке между складами ей никто не встретился. Слева тянулся бетонный забор с облупившейся краской, справа, за редкими тополями, виднелись ржавые ангары, и над каждым из них висел тот же серый слой, что и над городом. Вера ехала, не включая музыку, и слушала, как шины шуршат по мокрому асфальту.

Она думала о Ломове не как о мёртвом человеке, а как о человеке, который сидел у двери. Это было первое, что она о нём запомнила: он всегда садился так, чтобы видеть выход. Не потому, что боялся, а потому, что ему было важно знать, где выход. Она записала это в протокол осторожно, с оговоркой, что это её наблюдение, а не его слова. Теперь эта оговорка казалась ей почти смешной. Человека, которого она почти не знала, уже невозможно было спросить о том, что он имел в виду.

Вера остановилась у шлагбаума и опустила стекло. Пахло мазутом и тем же дымом, только сильнее, резче, с металлической ноткой, как от горячего железа. Из будки вышел

охранник в тёплой куртке, посмотрел на её удостоверение и не стал его брать в руки.

— Вы к Старцеву? — спросил он.

— Я по вызову криминалистов, — сказала Вера. — Ломов Денис Викторович.

Охранник кивнул так, будто услышал не имя, а дату на календаре, и поднял шлагбаум. Он ничего не спросил о гараже и не назвал его по номеру. Вера отметила это и поехала дальше, медленно, по колее, оставленной грузовиками.

Станция технического обслуживания стояла на краю промзоны, за высоким забором из профлиста. Внутри виднелись подъёмники, пустые боксы и несколько машин без колёс, которые кто-то оставил посреди двора. Дальше, за последним боксом, начинались гаражи. Они были старые, кирпичные, с металлическими воротами, покрашенными когда-то в зелёный цвет. Некоторые ворота проржавели почти насквозь. Возле одного из них стояли две машины с мигалками, и мигалки не были включены.

Вера поставила машину у забора и долго не выходила. Она смотрела на ворота гаража, на узкую полосу тени между ними и кирпичной стеной, и думала о том, как люди выбирают места, где можно остаться одному. Ломов не был похож на человека, который ищет уединения. Он работал на людях, шины меняют на виду, у всех на глазах. Но, может быть, именно поэтому ему нужен был закрытый гараж, где стены не смотрят.

Она вынула из сумки папку, открыла третий лист и перечитала строку с двумя галочками. Потом закрыла папку и положила её на сиденье рядом с собой. Записывать здесь было нечего. Всё, что она могла записать, было ещё не фактом, а предположением, и её собственная привычка проверять такие предположения сейчас казалась ей и защитой, и помехой.

За стеклом двигались люди. Высокий мужчина в светлой куртке прошёл от бокса к воротам и остановился, чтобы закурить. Спичка вспыхнула и погасла на ветру, он прикрыл огонь ладонью, и Вера узнала в его осанке Лапшина, хотя лица из машины разглядеть не могла. Он стоял спиной к ней и смотрел в сторону дымного горизонта, туда, где за дорогами тянулись чёрные поля торфа.

Вера взяла сумку, проверила, на месте ли диктофон, и открыла дверь. Воздух ударил в лицо сырым теплом, и первый вдох отозвался в горле сухостью. Она закрыла дверь и пошла по мокрому гравию к воротам, слыша, как под подошвами хрустит мелкий щебень, и понимая, что на куртке у неё уже осел тот же запах, что был в её доме, в шторах и в волосах.

* * *

— Курить будете? — спросил Лапшин, не оборачиваясь.

Он стоял у ворот, опершись плечом о кирпичный столб, и держал сигарету между большим и указательным пальца-

ми, как держат что-то, что вот-вот упадёт. Серый дым уходил вбок и тут же растворялся в общем мареве. Вера подошла ближе и только тогда поняла, что дым у Лапшина не от сигареты, а от всего воздуха вокруг.

— Нет, спасибо.

— Правильно. Оно сейчас и так весь город курит. — Он затянулся, выпустил дым и посмотрел на её сумку. — Вы без папки?

— Папка в машине.

— Хорошо. Здесь её лучше не держать, сыро.

Вера остановилась в двух шагах от него. Лапшин выглядел так же, как в прошлый раз, в лаборатории: светлая куртка, узкие плечи, лицо человека, который давно перестал удивляться тому, что видит. Только сейчас на ботинках у него налипла рыжая грязь, и он то и дело переступал, чтобы её стряхнуть.

— Что у вас? — спросила она.

— Ломов Денис Викторович, тридцать лет, работал здесь шиномонтажником. Нашли его сегодня в семь двадцать. Напарник пришёл открывать бокс и увидел, что ворота гаража заперты изнутри… — Лапшин поправился и сам себе покачал головой. — Нет, снаружи заперты. Замок на накидке, ключ у Ломова в кармане. Напарник позвонил дежурному, дежурный вызвал нас.

— Ключ у него в кармане, — повторила Вера.

— У него в кармане. Я это записал, и вы запишите. Что в

этом странного, решать не мне.

Он затушил сигарету о край кирпича и бросил окурок в лужу. Тот зашипел, и на поверхности воды осталась тонкая чёрная плёнка.

— Насилия почти нет, — сказал Лапшин. — Ссадин на руках немного, на шее, скорее всего, от собственных усилий. Следы удушья. Врач был, посмотрел поверхностно и уехал на вызов, сказал, что точнее скажет в морге. Пены и крови на губах не видно, но он этого не исключает.

— Вы сами что думаете?

— Я думаю, что сам я здесь ничего не думаю. — Лапшин посмотрел на неё внимательно, почти с сочувствием. — Вы же знаете, как это бывает. Сначала осмотр, потом выводы. Выводы делает тот, кому они нужны.

Вера не ответила. Она смотрела на его ботинки, на рыжую грязь, которая налипла уже и на край брюк, и думала, что в промзоне всё рыжее: земля, ржавые ворота, гравий, мокрый кирпич. Даже воздух здесь будто подкрашен.

— Проводите меня, — сказала она.

— Я за этим и стою.

Они пошли по гравиевой дорожке, между боксами. Под подошвами хрустел мелкий щебень, и каждый шаг отдавался в ушах чуть громче, чем следовало бы. За открытыми воротами одного из боксов висели старые плакаты с размерами шин, выцветшие от солнца, и кто-то оставил на верстаке пустую банку из-под кофе с торчащими отвёртками. Дым здесь

был плотнее, чем у ворот. Он оседал на металле, на стёклах машин, на связках резины, сложенных у стены.

— Вы сказали, ворота были заперты, — сказала Вера. — Кто-нибудь заходил до вас?

— Дежурный и напарник. Напарник зашёл внутрь, посмотрел и вышел. Потом позвонил. Дежурный никого пускать не стал. Нормальная реакция, для вахтёра.

— Напарник заходил внутрь?

— Заходил, и да, я понимаю, что мог наследить. Он говорит, что до ворот и на порог. Вещи не трогал.

— Как его зовут?

— Сергей Андреевич Кулагин. Он сейчас в конторе, с ним работает участковый. — Лапшин поморщился. — Сказал, что Ломов был нормальный, молчаливый. Не пьёт. Не ругался.

Гараж стоял в конце ряда, отдельно от остальных. Кирпичные стены были старые, в трещинах, в белёсых потёках соли. Ворота из листового металла покрасили в зелёный давным-давно, краска облезла полосами, и под ней проступила ржавчина. Накидка висела на проушине, замок был защёлкнут. Возле замка на металле сохранилась чистая полоска, как если бы кто-то недавно его трогал.

— Фотографии сделаны? — спросила Вера.

— Сделаны. Вы же знаете, я без фотографий не работаю.

Она кивнула и надела перчатки. Пальцы в них сразу стали влажными. Вера посмотрела на накидку, на тень от неё,

на узкую щель между створкой и бетонной ступенькой, через которую внутрь мог попасть только дым. Потом Лапшин открыл замок ключом, который держал в пакете, и створка пошла вбок с тяжёлым, долгим скрипом.

Внутри пахло моторным маслом, резиной и горелым железом, но всё это перебивал тот же запах, что был на улице, только сгущённый, плотный, как будто его выдавили в закрытое пространство. Вера вошла и остановилась на пороге. Глаза не сразу привыкли к полумраку. Свет шёл только от открытых ворот и от тусклой лампы под потолком, которую кто-то не выключил.

Ломов лежал на бетонном полу между верстаком и стеллажом с покрышками. Его положили аккуратно, на спину, руки вдоль тела. Кто-то накрыл лицо куском серой ветоши, но её уже сдвинули, и Лапшин, видимо, опустил её обратно. Вера видела только темную рабочую куртку, застёгнутую до горла, и пятна масла на брюках. Ботинки стояли рядом, шнурки были завязаны.

Она подошла и опустилась на корточки, не касаясь тела. Колени сразу отозвались холодом.

— Ботинки он снял сам? — спросила она.

— Видимо, нет. Они стояли так, когда мы пришли. Или их поставили.

— Или их поставили, — сказала Вера.

Рядом с телом стоял табурет. Он был повёрнут к воротам, и сиденье смотрело в проём, в серую полосу дня. Вера не

стала его трогать. Она просто смотрела на него и думала о том, что Ломов всегда садился у двери. Это было в её записях, в протоколе первого сеанса, и она тогда оговорилась, что это её наблюдение. Теперь табурет стоял здесь и смотрел в ту же сторону, и никакой оговорки в нём не было.

— Он тут сидел? — спросила она.

— Не знаю. Мы ещё не делали полного осмотра. — Лапшин помолчал. — Но да, я видел, что табурет повёрнут. Фотографии уже есть.

Вера наклонилась ниже. На плече у Ломова, там, где куртка подвернулась, была тёмная полоса. Ткань была мокрой, влажной на ощупь, как бывает, если человек долго был на улице или если кто-то проливал воду. Вера протянула руку и коснулась рукава, чтобы понять, насколько он намок. Ткань была холодной и липкой, и от неё шёл запах, который она узнала сразу.

Гарь. Не от костра, не от сигареты. Сухая, въедливая, с кислым привкусом, как от тлеющей ткани. Запах осел в волокнах, в швах, в складках. Вера поднесла пальцы ближе и вдохнула, не отворачиваясь, как учили на первом курсе: сначала ровно, потом короче. Этот запах она уже знала. Он был в её кухне, в шторах, в её пальто, в её волосах.

— Вы чувствуете? — спросила она, не поднимая головы.

— Конечно. Весь город это чувствует. — Лапшин переступил с ноги на ногу. — Торф горит в западных районах, ветер на нас. Вы же в курсе.

— Я не про торф, — сказала Вера. — Здесь не только торф.

Она выпрямилась. Колени снова отозвались болью, и она оперлась ладонью о верстак. Пальцы оставили на краске мутный след. Вера посмотрела на свою куртку, на рукав, и увидела, что на серой ткани уже осела та же пыль, что и на мокрой куртке Ломова, только гуще, потому что её куртка провела в машине и в подъезде больше времени.

Она не стала отряхивать рукав. Вместо этого она опустила руку и снова коснулась ткани Ломова, самым кончиком пальцев, чтобы проверить, не ошиблась ли. Ткань была холодной, пропитанной влагой и тем же запахом. Ни одного слова не пришло ей в голову, только короткое ощущение, что эту ткань она будет помнить долго, дольше, чем следовало бы, и что запах, который осел на её пальцах, теперь будет ходить за ней по всем следующим делам.

Вера убрала руку от куртки. Тонкий, сухой след гари остался на перчатке. Она посмотрела на него, на тусклый свет лампы, на табурет, повёрнутый к выходу, и решила, что этот запах надо запомнить, не как улику и не как вывод, а как то, что нельзя будет проверить, пока кто-то не скажет ей, откуда он взялся.

Глава 2
Ровный пол под ногами

Глеб приехал к промзоне около одиннадцати. Машину он оставил у поворота, там, где асфальт кончался и начинался гравий. Официального вызова у него не было. Приказ о временном отстранении от дела Лесова подписали в понедельник, но в служебной системе он пока числился действующим, и никто не потрудился его снять. Глеб решил, что, пока ему не сказали обратного, он остаётся в строю.

Дым встретил его ещё у машины. Он не клубился, не поднимался столбом, а лежал над землёй ровным слоем, и в этом слое всё казалось серым: ворота, крыши боксов, мокрые ветки тополей за забором. Глеб вдохнул и закашлялся, коротко, в кулак. Левой рукой. Правая висела вдоль тела, как чужая, и только когда он сжал пальцы в кармане пальто, в запястье отозвалась знакомая тянущая боль.

Рука ныла с ночи. Ещё с ночи, когда он лёг на бок, потом перевернулся, потом встал и постоял у окна, не зажигая света. Холод в такие дни всегда шёл от кости, от старого перелома, и никакие таблетки с этим не справлялись. Глеб привык. Он не привык только к тому, что стал избегать ручек. Утром он подписал бумаги с третьей попытки, и подпись вышла кривая, с острым хвостом, как у человека, который рас-

писывается в чужом документе.

У ворот стоял дежурный из отдела, молодой, в форменной куртке с расстёгнутым воротом. Он держал планшет под мышкой и смотрел на Глеба так, будто ждал, что тот сейчас предъявит что-то, чего у него нет.

— Старший следователь Ставицкий, — сказал Глеб. — Вы Старцев?

— Так точно. Вам сюда не положено, товарищ старший следователь. Согласование...

— Я знаю, что мне не положено. Вы ведёте журнал?

— Веду.

— Тогда запишите время. Одиннадцать часов шесть минут. Прибыл на место осмотра по собственной инициативе.

Старцев помедлил, потом всё-таки открыл планшет и поставил отметку. Глеб смотрел, как тот тычет пальцем в экран, и понимал, что мальчишка записывает это не потому, что обязан, а потому, что ему неловко было бы не записать.

— Осмотр уже начат? — спросил Глеб.

— Так точно. Эксперт работает внутри. Корф уехала час назад, в контору, к напарнику ночного смены. Лапшин у гаража.

— Корф уехала, — повторил Глеб.

— Так точно.

Он кивнул и пошёл по гравию. Под подошвами хрустел щебень, и звук отдавался в затылке. Боксы стояли ровным рядом, за открытыми воротами виднелись станки, ящики с

крепежом, старые плакаты. Всё было пустым, кроме одного бокса, где горел свет и слышались голоса. Лапшин стоял у последнего гаража, возле зелёных ворот, и курил, пряча сигарету в ладони, как делал всегда, когда не хотел, чтобы его заметили со стороны начальства.

Увидев Глеба, он не удивился. Только выпустил дым в сторону и затушил сигарету о подошву.

— Пришёл, — сказал Лапшин. — Я думал, ты будешь дома лежать с рукой.

— Я лежу дома, когда меня не пускают сюда.

— Тебя не пускают?

— Меня ещё не выгнали, — сказал Глеб. — Это разные вещи.

Лапшин хмыкнул и отступил в сторону, давая дорогу. Внутри гаража было тесно, пахло маслом и гарью, и запах был такой густой, что Глеб на секунду задержал дыхание, прежде чем сделать вдох. Эксперт в белом комбинезоне стоял на коленях возле тела. Глеб узнал его по сутулой спине и по привычке разговаривать сам с собой: Гусев, судмедэксперт, работали вместе лет восемь назад, по делу о подрыве ларька.

— Глеб Андреевич, — сказал Гусев, не поворачиваясь. — Ты тоже без приглашения?

— Я тоже.

— Тогда стой там, где стоишь. Тут и так дышать нечем.

Глеб остановился у порога, там, где проходила граница

между светом и полумраком. Он видел тело, видел ботинки, поставленные ровно у стены, и табурет, повёрнутый к проёму. Смотреть на тело было не нужно. Достаточно было знать, что оно лежит на спине, руки вдоль тела, лицо накрыто ветошью, которую уже сдвинули.

Он поднёс правую руку к груди и придержал левой, чтобы не дрожала. Потом достал из внутреннего кармана блокнот и карандаш. Карандаш не удержался в пальцах и упал на бетон. Глеб наклонился, почувствовал, как в колене что-то щёлкнуло, и поднял его левой рукой.

— Старцев, — сказал он в проём. — Подойдите, пожалуйста. Будете записывать.

Дежурный подошёл, остановился рядом, держа планшет на вытянутой руке, и уставился в экран. Глеб понял, что сейчас придётся диктовать, и почувствовал неловкость, которую не выносил в себе с детства. Диктовать было не то же самое, что писать. Диктуя, он говорил вслух то, что ещё не успел осмыслить.

— Записывайте, — сказал он. — Двадцать шестое марта, одиннадцать часов двадцать минут. Осмотр места происшествия: гараж, станция технического обслуживания, промзона за улицей Строителей. Ворота гаража металлические, окрашены в зелёный цвет, заперты на навесной замок, замок защёлкнут. Ключ от замка, по словам дежурного, находился в кармане убитого...

— Ключ был при нём, — сказал Гусев из глубины гаража.

— Могу подтвердить, но не сейчас, когда руки в перчатках.

— Ключ при погибшем, — повторил Глеб. — Подтверждение эксперта запланировано. Внутри помещения, на полу, в положении на спине, находится мужчина, по документам Ломов Денис Викторович, тридцать лет. Руки вдоль тела. Лицо накрыто тканью серого цвета. Обувь стоит у стены, шнурки завязаны.

Старцев печатал, медленно, сбиваясь. Глеб подождал, пока тот догонит.

— Табурет повёрнут к воротам, — сказал Глеб. — Фотографии сделаны. Ничего не трогать.

Гусев поднялся с колен, сдёрнул перчатку с одной руки и подошёл к порогу. Лицо у него было усталым, в мелких красных пятнах от жара. Он посмотрел на Глеба, потом на Лапшина, который стоял снаружи, и заговорил тише, как говорят те, кто не хочет, чтобы их слушали посторонние.

— Предварительно, Глеб Андреевич. Никаких выводов, пока не будет вскрытия. Но в дыхательных путях сажевые частицы. Много. В трахее, в бронхах. Кашель он бы не остановил, если бы был в сознании. Значит, дышал дымом, и дышал долго.

— Пожар был здесь? — спросил Глеб.

— Не было пожара, — сказал Гусев. — Гарь на куртке, на волосах, на коже лица. Но верстак не обуглен. Покрышки целые, по стенам копоти нет, потолок чистый. Ветошь тлела, но не горела. Тлеющая тряпка, и больше ничего. Пожар в

гараже не начинался. Дым пришёл извне, или его принесли.

Глеб записал это в блокнот левой рукой. Буквы выходили неровными, прыгали, одна легла поверх другой. Он закрыл глаза на секунду, потом открыл и продолжил писать, не глядя.

— Повторите для протокола, — сказал он Старцеву. — Судмедэксперт Гусев предварительно указывает на наличие сажевых частиц в дыхательных путях погибшего. Пожар в помещении гаража не возникал, очагов горения не обнаружено. Копоти на стенах и потолке нет. Тлеющая ветошь найдена на лице погибшего.

— Так точно.

— Вы записываете «так точно» без запятой?

Старцев поднял глаза, покраснел, поправил что-то на экране.

— Нет, — сказал Глеб. — Пишите запятую. Вот здесь.

Гусев усмехнулся, почти беззвучно, и снова присел на корточки.

Глеб смотрел на табурет. Сиденье было серым от пыли, только у края проступало тёмное пятно, похожее на след ладони. Он не знал, чья это ладонь, и не собирался гадать, пока не будут сделаны снимки. Вместо этого он подумал о том, что сказала Корф, когда они говорили по телефону в понедельник. Она говорила тогда о выживших, о том, как они отвечают на вопросы, и о том, что память у них работает избирательно. Он тогда не понял, зачем она это говорила. Теперь

понимал чуть лучше.

— Лапшин, — позвал он через плечо.

— Здесь, — отозвался тот из-за ворот.

— Кто вызвал полицию?

— Дежурный станции. Утром. Ворота не открывались, он думал, что рабочий спит внутри. Потом открыл сам, запасным ключом, тот был у мастера. Увидел, что дверь заперта изнутри, и... — Лапшин замолчал. — Нет, не изнутри. Извне. Замок на накидке был защёлкнут снаружи. Ключ у Ломова в кармане, но накидка... Ты понимаешь.

Глеб понимал. Он не стал переспрашивать и повернулся к Старцеву.

— Запишите, что ключ найден в кармане погибшего, — сказал он. — Что замок накидки закрыт снаружи. Что дверь на момент обнаружения была заперта. Кто открыл, когда, каким ключом. Всё, как сказал Лапшин, слово в слово.

Старцев записывал, пальцы его дрожали на экране. Глеб видел, что мальчишка боится ошибиться, и от этого страха строчки выходили короткими и сухими, без лишнего слова.

Из-за спины Гусева, из полумрака, донёсся сухой щелчок фотоаппарата. Потом второй. Вспышка осветила стену, покрышки на стеллаже, край верстака, на котором кто-то оставил кружку с засохшим кофе. Глеб отвёл взгляд, посмотрел на порог и понял, что стоит, опираясь на косяк, и что рука, прижатая к груди, онемела до кончиков пальцев.

Он убрал её в карман и продолжил диктовать, глядя на

свои неровные строчки в блокноте, и на тусклый свет лампы под потолком, которую так и не выключили.

Глеб отделился от косяка и пошёл вдоль стены, там, где бетон был чище. Гусев сказал не заходить в середину, и Глеб держался края, ставя ноги так, как учили на первом году службы: сначала носок, потом пятка, без рывков. Колено откликнулось тупой болью. Он не стал на него смотреть.

Пол был серый, в трещинах, с редкими тёмными пятнами, которые могли быть старым маслом, а могли быть чем угодно. Глеб смотрел под ноги и видел то, что ожидал увидеть. Следы Гусева, широкие, с рифлёной подошвой, тянулись от порога к телу и обратно. Рядом шли другие, поменьше, от Кулагина: тот заходил, постоял и вышел, не подходя близко. Больше ничего. Ни борозд, ни сдвинутой пыли, ни отпечатков каблуков, которые бы скользили или упирались. Ни осколков, ни опрокинутых банок.

— Вы видите что-нибудь на полу? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вижу, что его давно не мыли, — ответил Гусев. — Если вы про борьбу, Глеб Андреевич, то её здесь не было.

— Не было следов волочения?

— Ни одного. Он лежит там, где его положили, или где он сам лёг. Пятки в пыли, а не в стороны. Видите? — Гусев подвинул фонарь, и свет лёг ровной полосой. — Здесь он стоял, здесь упал. Никто его не тащил, никто не держал. Ни пуговицы, ни ногтя.

Глеб кивнул и сделал пару шагов вдоль верстака. На краю столешницы стояла кружка, в ней засох кофе, рядом лежал чек, придавленный гаечным ключом. Он не стал его трогать. Посмотрел на стеллаж с покрышками, на аккуратно уложенные колёса, которые не выглядели так, будто их кто-то поспешно спасал или швырял. Гараж был ровный, чистый, даже слишком. В таких местах обычно не бывает порядка, если в них кто-то борется за жизнь.

Порядок его беспокоил. Не сам порядок, а то, что он был таким, каким его оставили, а не таким, каким он бывает после человека, который живёт здесь каждый день.

Он повернулся к воротам.

Ворота были металлические, выкрашенные в зелёный цвет, как и снаружи, но изнутри краска сошла почти до грунтовки. Створки сходились в центре, и там, где они касались друг друга, поблёскивала узкая полоса. С внутренней стороны, в левой створке, на уровне груди, висел стальной засов, а на нём, в петле, была накидка с навесным замком. Замок лежал на бетоне, раскрытый, как будто его уронили. Ключ был у Ломова, в кармане. Накидка при этом была защёлкнута снаружи. Глеб видел это по тому, как вдавлен металл в месте сгиба.

Он подошёл ближе, остановился в полуметре от створки и наклонился, насколько позволяла рука.

Царапина была на внутренней стороне створки, чуть ниже засова. Она шла наискось, от края краски к самому металлу,

длиной сантиметров в десять. Начало было рваным, будто что-то соскользнуло и тут же зацепилось снова. Конец был глубже, и там краска отошла пластинкой, а под ней блестело голое железо, ещё не тронутое ржавчиной. Чуть ниже, на бетоне под воротами, лежала тонкая серая пыль, и в ней был след, который мог быть от подошвы, а мог быть от пальцев.

Глеб не стал доставать фонарь. Света лампы хватало. Он смотрел и думал, что царапина сделана изнутри. Не потому, что кто-то так сказал, и не потому, что так удобно. Линия шла от засова к низу, и рука, которая её проводила, стояла по эту сторону ворот. Если бы кто-то снаружи пытался поддеть створку, след бы выглядел иначе: короче, с вывертом, с нажимом на верх. Здесь нажим был на нижнем конце.

Он выпрямился и почувствовал, как в пояснице что-то тянет. Рука, прижатая к груди, начала отходить, и это было хуже, чем когда она просто ныла: тогда он хотя бы знал, где она есть.

Значит, человек был внутри и пытался что-то сделать с дверью. Или не пытался. Или царапал металл просто так, пока ждал, пока кто-то придёт. Глеб понимал, что эти варианты у него в голове стоят рядом и выглядят одинаково убедительно, и что разница между ними решается не здесь, а в протоколе, в лаборатории, в том, что скажет Гусев после вскрытия. Но внести царапину в протокол можно было уже сейчас. Оставить её без записи значило бы оставить решение за тем, кто станет читать бумагу позже и не будет знать, что

видел он.

Он подумал о Лапшине, который стоял у ворот и, судя по запаху, курил уже третью сигарету.

— Лапшин, — позвал он.

Тот подошёл, заглянул в проём, не переступая порога, и поморщился от дыма, которого здесь почти не было.

— Чего тебе?

— Посмотри на внутреннюю сторону створки. Левой, у засова, под накидкой.

Лапшин помолчал, потом шагнул внутрь, наклонился, и Глеб увидел, как у него напрягается спина.

— Царапина, — сказал Лапшин. — Ну и что?

— Она изнутри.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри, куда ушла краска.

Лапшин снова наклонился, прищурился, провёл пальцем в перчатке по воздуху над царапиной, не касаясь металла.

— Может, от ворот. Их ставили, подгоняли, могло и...

— Могло, — согласился Глеб. — Тогда пусть эксперт это скажет. Сфотографируйте отдельно, с линейкой и с масштабом, с двух ракурсов. И пыль с пола под створкой возьмите на пробу, в пакет, отдельно от остального.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Пока нет. Поэтому и пишу.

Лапшин выпрямился, посмотрел на него внимательно, как смотрит человек, который давно привык ставить вопросы, но

не ждёт на них ответов.

— Ты в протокол вписываешь то, что сам видел, или то, что тебе хочется видеть?

— Я вписываю то, что вижу, — сказал Глеб. — Если в этом есть разница, её увидит тот, кто будет читать.

Лапшин хмыкнул, но ничего не ответил. Он достал из кармана телефон, подошёл к воротам и заговорил с кем-то коротко, отрывисто, потом убрал телефон и повернулся к Гусеву.

— Фотографии сейчас будут, — сказал он. — Ставицкий просит с линейкой.

Гусев обернулся и посмотрел на Глеба поверх очков, которые сдвинул на лоб. Глаза у него были красные, без сна.

— Вы полезли в ворота, Глеб Андреевич, как я погляжу.

— Я стою там, где стоял, — ответил Глеб. — Ворота никто не трогал.

— Ну-ну.

Глеб вернулся к порогу. Опёрся на косяк, опустил левую руку на блокнот, раскрыл его на чистой странице. Старцев уже стоял рядом, держа планшет, и смотрел на Глеба так, будто ждал от него чего-то опасного.

— Записывайте, — сказал Глеб. — Продолжаю осмотр. На внутренней поверхности левой створки ворот, на высоте около ста двадцати сантиметров от уровня пола, ниже места крепления засова, обнаружена царапина длиной около десяти сантиметров. Направление царапины сверху вниз, от засо-

ва к нижнему краю створки. Конец царапины углублён, краска отслоена до металла. Признаков наружного воздействия на створку при осмотре не выявлено. Царапина зафиксирована фотографией с линейкой. Пыль с поверхности бетона под воротами изъята на пробу.

Старцев печатал, поднимая глаза на каждом слове. Потом спросил, не поднимая головы:

— Глеб Андреевич, а «изнутри» писать? Или «предположительно изнутри»?

Глеб посмотрел на царапину, видную из порога, на тонкую полосу голого металла, который блестел под лампой, на накидку с защёлкнутым снаружи замком.

— Пишите «изнутри», — сказал он. — Предположительно будет в заключении эксперта. А здесь мы описываем, что видим.

Старцев кивнул и застучал по экрану. Гусев в глубине гаража щёлкнул фотоаппаратом, потом ещё раз, и вспышка на секунду осветила створку ворот, выбелила царапину и тень от засова, которую до этого не было видно.

Глеб продолжил диктовать, глядя на свои неровные строчки и на дверь, которая теперь стояла в протоколе так же прочно, как тело на полу.

Глава 3
Список на обороте

Корпус «Зари» стоял на углу Пролетарской и переулка, который при старом интернате называли Садовым, хотя садов там не осталось. Фасад очистили от копоти и выкрасили в светлый, почти молочный цвет. Окна поставили новые, с двойным стеклом. Леса убрали в феврале, и теперь здание выглядело так, будто в нём никогда ничего не случалось. Вера остановилась у входа и потёрла пальцами переносицу. Запах всё равно был. Он шёл из вентиляционной решётки у крыльца, слабый, сладковатый, с горечью, как от старой золы, которую поливали водой.

Дежурная сидела в служебной комнате администрации за стойкой, которую поставили здесь вместо прежней вахты. На столе стоял электрический чайник, рядом лежали журнал посещений и стопка глянцевых буклетов с надписью «Заря. Память и помощь». Нина Павловна, которая работала здесь ещё при интернате, поднялась навстречу, одёрнула жилет и без предисловий сказала:

— Алина Сергеевна пришла раньше обычного. В половине восьмого. Я думала, у неё смена перепуталась.

— Она одна?

— Одна. Села в малой комнате, у окна. Куртку не сняла.

— Что-нибудь говорила?

Нина Павловна посмотрела на журнал, словно ответ был там записан.

— Сказала, что не выспалась. И что здесь пахнет. Я ей говорю, так всё время пахнет, это вытяжку пробуют. Она кивнула и больше ничего не сказала.

— Спасибо, — сказала Вера. — Я её позову, когда будем готовы. Если не трудно, пусть чайник пока не включают в той части коридора, где группа.

— Да он и не включается, — Нина Павловна усмехнулась без радости. — Новый, с кнопкой. Я его ещё не поняла.

Вера прошла к дальнему столу, который ей выделили как сотруднику архивного отдела. Стол был чистым, стул удобным, лампа хорошей. Здесь никогда не работали люди, которые что-то помнили о прошлом. Здесь работали люди, которые его описывали. Вера сняла куртку и повесила её на спинку стула, и только тогда почувствовала, что запах держится и на ней. Тонкий, въедливый. Он был на куртке Ломова в гараже и теперь был на её собственной. Она подумала об этом и отложила мысль, как откладывают неоплаченный счёт.

Папка лежала на дне сумки. Вера достала её, открыла и вынула листы, которые утром прислал Ставицкий. Сопроводительная записка была короткой, без приветствия: «Копии с Ломова, оригиналы у дежурного. Просьба вернуть после сверки. Г. С.». Почерк в записке был тяжёлым, с нажимом на буквах, как будто писавший держал ручку с усилием. Вера

перевернула лист, чтобы не видеть этой неровности, и вернулась к копиям.

Блокнот был в клетку, в твёрдой обложке, с уголком, обмятым до белизны. Копии получились серыми, и Вера поправила лампу, чтобы разглядеть линии. Схема подвала была нарисована от руки и аккуратно, без лишних украшений. Прямоугольник прачечной с двумя чанами, отмеченными крестиками. Коридор, который уходил вправо и обрывался у стены. Подсобка с пометкой «ящики». И лестница, ведущая вверх, с короткой стрелкой и подписью «сюда». Вера вгляделась в стрелку. Нажим был сильнее, чем в остальном, и карандаш в одном месте протёрся почти до бумаги.

Ниже, на отдельной странице, шёл список. Пять фамилий, написанных по одной в строке, без имён и отчеств. Вера знала их наизусть, но сверила всё равно, водя пальцем по своей синей папке, которую доставала из сумки. В её списке «Заря. Список» было одиннадцать фамилий. Четыре из них были отмечены галочками, у двух стояли пометки «не отвечает», у одной — «переехала, не подтверждено». Фамилии Ломова в списке Ломова стояли первыми. Потом Коваль. Потом Рябинина, которой не было в её сеансах уже полгода. Потом Савельева, та самая, что переехала. И последняя строка, написанная чуть мельче, с наклоном влево, — Тихонова, Лариса, без инициалов.

Вера перевернула лист и медленно выдохнула. Тихоновой в её списке не было вовсе. Ни в галочках, ни в пометках, ни

в примечаниях. Она проверила дважды, по обеим папкам, и поставила на полях карандашом знак вопроса, потом стёрла его и поставила снова.

Рисунок двери был на последней странице. Карандашом, с растушёвкой по краям, как рисуют люди, которые привыкли работать руками, а не словами. Металлическая дверь в полный лист, с заклёпками по периметру. Внизу, у самого пола, был нарисован ещё один засов, короткий, толстый, на уровне щиколотки. Вверху, на уровне головы, — тяжёлый брус, и на его конце выведена петля для замка. Засов с внешней стороны. Вера вгляделась в линии и поняла, что рисунок сделан с той стороны, где стоял человек, а не с той, куда смотрел бы инспектор, составляющий опись.

Она открыла на столе свою копию тома, которую получила в архиве ещё в феврале. Нашла страницу с осмотром прачечной. «Дверь металлическая, однопольная, в нижней части деформирована, запорного устройства с внешней стороны не обнаружено». Вера прочла строку ещё раз, медленнее, и посмотрела на рисунок. Внизу, у пола, был второй засов. В протоколе о нём не было ни слова. Ни о втором засове, ни о петле. Ни о брусе, который должен был лежать поперёк двери, если верить рисунку. Протокол описывал то, что было видно после пожара. Рисунок описывал то, что было до него.

Может, он нарисовал то, что помнил, — подумала Вера. — А память добавляет детали, которых не было. Всегда добавляет.

Она сама знала это лучше многих. Её собственные обрывки никогда не выдерживали проверки. Они приходили ночью, без порядка, и каждый раз звучали убедительнее, чем могли бы. Это было первым, что она записала себе после прошлого дела, и последним, что решилась перечитать.

Вера взяла карандаш и на полях рисунка, в самом углу, написала: «Проверить: засов снаружи — в каком деле? Кем нарисовано? Когда?» Потом подумала и зачеркнула последнее слово. Вопрос «когда» был опасным. Ответ на него можно было получить только от тех, кто уже отвечал на вопросы, и каждый такой ответ мог оказаться чужим.

Она сложила копии в том же порядке, в каком их получила, и вложила в синюю папку. Блокнот Ломова, оригинал которого лежал в полиции, она положила сверху и закрыла папку на магнитный замок. Звук получился тихим, почти незаметным, и Вера подумала, что так и должно быть.

Из коридора доносились голоса. Кто-то смеялся, кто-то переставлял стулья, и через приоткрытую дверь тянуло сквозняком и тем же горьковатым запахом. Вера взяла папку, посмотрела на список, на котором была фамилия, которой не должно было там быть, и застегнула сумку.

Сеанс начинался через пять минут. В малой комнате у окна её ждала Алина Коваль, которая сидела не снимая куртки, и остальные, которые ещё не решили, придут ли вовсе. Вера вышла в коридор, прижимая папку к боку, и пошла туда, где её ждали.

Она задержалась у двери, которую уже держала рукой. Коридор был узким, с новым линолеумом светлого оттенка, который пах клеем и ещё не успел впитать ничего из того, что здесь происходило. Вдоль стены висели рамки с фотографиями. Дети на крыльце, дети за длинным столом, девочка с бантом, которая смотрела мимо объектива. Подписи под снимками были короткими: имя, год, группа. Вера прошла вдоль стены медленно, как проходят вдоль витрины, и остановилась там, где кончались фотографии за девяносто второй год.

Тихоновой ни на одном снимке не было. Это ничего не значило. Половина воспитанников не попадала в кадр, потому что их не фотографировали, а тех, кого фотографировали, потом перекладывали из альбома в альбом и теряли. Вера знала это по архивным описям, где фотографии значились отдельной строкой и часто не имели номера.

Она вернулась к служебной комнате. Нина Павловна стояла у чайника, который не включался, и смотрела на кнопку так, будто та могла ответить.

— Нина Павловна, — сказала Вера. — Лариса Тихонова. Вы её помните?

Дежурная повернулась не сразу. В её лице ничего не изменилось, только руку она убрала от чайника.

— Тихонова, — повторила она. — Из младшей группы? Или из старшей?

— Не знаю. Без инициалов.

— Тут много было Тихоновых. Одна вроде переехала к тётке, на юг. Другая умерла ещё в интернате, от пневмонии, я её в журнале видела. — Она помолчала. — Которая вам нужна?

— Пока никакая, — сказала Вера. — Мне нужно проверить.

Нина Павловна кивнула, но в её кивке было что-то осторожное, как у человека, который понял, что вопрос задан не ради ответа.

— Если в журнале что найду, скажу. Только журнал у нас старый, там всё по почерку писали, половину не разобрать.

— Спасибо.

Вера вышла, не оглядываясь. Она понимала, что вопрос уже ушёл дальше, чем ей хотелось бы. Теперь Нина Павловна будет помнить, что её спрашивали о Тихоновой, и если завтра кто-то спросит её о том же, она ответит, не задумываясь, и её ответ будет уже чужим на вкус.

У двери малой комнаты Вера остановилась и поправила сумку на плече. Папка давила на бок, тяжёлая, с магнитным замком, который она сама же и закрыла. Она подумала о том, что блокнот не должен лежать у неё в сумке во время сеанса, но и оставить его в служебной комнате тоже было нельзя. Оставить значило передать. Кому именно, она не знала, и от этого незнания становилось неудобно, как от мокрой одежды.

Из-за двери слышался голос Алины. Ровный, спокойный,

почти как при чтении инструкции. Она называла по порядку, что было на столе в прачечной, сколько шагов от лестницы до двери и какого цвета были стены. Вера узнала эту манеру. Так говорят люди, которые много лет жили по расписанию и привыкли, что каждое слово должно стоять на своём месте.

Вера открыла дверь.

Алина сидела у окна, в той же куртке, с руками, сложенными на коленях. Рядом стояли ещё два стула, пустой и занятый пальто, которое кто-то забыл убрать. Двое из группы уже пришли. Они переглянулись, когда Вера вошла, и один из них, мужчина в сером свитере, быстро отвёл глаза к окну, в котором не было ничего, кроме серого дыма над крышами.

— Доброе утро, — сказала Вера.

Она села за стол напротив Алины, поставила папку рядом с собой, но не открыла её. Замок щёлкнул бы слишком громко. Вера положила ладонь на крышку и почувствовала, как под пальцами остывает пластик.

— Начнём, когда все придут, — сказала она. — Мы никуда не торопимся.

Алина подняла на неё взгляд. Он был сухой и внимательный, без лишнего.

— Я уже здесь, — тихо сказала она.

Вера кивнула и не стала спорить.

* * *

Диктофон стоял на краю стола, между её блокнотом и стаканом воды, которого никто не пил. Вера включила запись и назвала дату, время и место. Потом по очереди назвала присутствующих, как делала на каждом сеансе, и спросила, все ли согласны на запись. Мужчина в сером свитере, которого звали Павлом, кивнул first и сразу отвернулся к окну. Женщина по имени Марина ответила «да» почти шёпотом. Алина сказала «да» последней, и это слово прозвучало так же ровно, как всё, что она говорила раньше.

— Спасибо, — сказала Вера. — Мы начнём с того, с чего начинали в прошлый раз. Вы расскажете, как проходил ваш день в интернате, в любой момент, который вам запомнился. Можно по порядку, можно без него.

Алина помолчала и заговорила. Голос у неё был ровный, без подъёмов и провалов, как у человека, который читает вслух инструкцию к прибору.

— Подъём в семь. Умывальник в семь двадцать, очередь на второй кран. Завтрак в восемь, каша, чай, хлеб через день. Потом занятия. После обеда прогулка, если не было дождя. В пятнадцать ноль-ноль дежурные раздают бельё. Я в тот год ходила в прачечную с Людмилой Ивановной. Она носила тяжёлое, я носила лёгкое.

Вера записала время и слова. Она не перебивала. Иногда

такой порядок был единственным, что удерживало человека на поверхности, и любой вопрос, заданный не вовремя, мог разорвать его, как нитку.

— Прачечная была в цокольном этаже, — продолжала Алина. — Вход справа от котельной. Ступеней двенадцать. Я считала, когда спускалась с корзиной. Одиннадцать бетонных, последняя железная, она звенела. Стены были зелёные снизу, белые сверху. Пахло мылом и ещё чем-то, чем-то сладким. Краской, наверное. Её тогда красили. Может, в том же месяце.

Марина подняла голову и посмотрела на Алину, потом на Веру. Её взгляд задержался на папке, стоявшей у локтя Веры, и тут же ушёл в сторону.

— Продолжайте, — сказала Вера.

— Внутри было два стола, большая ванна, машина. Корзины стояли у стены. Людмила Ивановна ушла за мылом, а я осталась у двери. Дверь была…

Алина замолчала.

Молчание было не длинным, секунд пять, может быть, шесть. Но в комнате, где были только стулья, стол и тихий шум радиатора, оно стало заметным. Вера видела, как Алина смотрит в одну точку на столешнице, и как её пальцы сжимают край стола. Костяшки побелели. Ногти, аккуратно подстриженные, легли на пластик почти параллельно друг другу.

Вера не стала спрашивать «какая дверь». Этот вопрос был бы наводящим, и он мог вложить в ответ то, чего Алина не

видела. Она сказала себе, что сейчас важнее не слово, а то, как его держат.

— Ничего не нужно говорить сразу, — сказала Вера. — Можно просто посидеть.

Павел повернулся от окна. Он смотрел не на Алину, а на папку, и Вера поймала этот взгляд, как ловят мяч, который летит мимо. Павел быстро опустил глаза и потёр ладонью колено.

— Давайте про что-нибудь другое, — сказал он глухо. — Ей плохо становится, когда про это.

— Ей? — спокойно спросила Вера. — Или вам?

Павел не ответил. Марина тихо вздохнула и сказала:

— Он всегда так. Мы все так.

— Тогда давайте про другое, — сказала Вера и повернулась к Алине. — Алина, расскажите, как вы сейчас проводите утро. Не в интернате. Сейчас.

Алина медленно перевела взгляд с столешницы на её лицо. Потом выпрямила спину, и руки разжались.

— В шесть тридцать будильник, — сказала она. — Душ, кофе без сахара. В семь двадцать выхожу, пешком до остановки, если не льёт. На смену в отделение к восьми. Я работаю с лекарствами, считаю ампулы. Каждая ампула записана в журнале, у каждой есть номер партии. Если цифра не сходится, я перепроверяю. Всегда перепроверяю.

— Почему?

— Потому что если не сходится, значит, кто-то ошибся.

Лучше найти раньше, чем потом.

Вера записала и это. Она заметила, что Алина говорит теперь быстрее и короче, как человек, который выбирается из воды на твёрдый берег и не смотрит, что там под ногами.

— Денис сегодня не придёт? — вдруг спросила Марина.

В комнате стало тихо иначе. Не так, как было, когда Алина замолчала. Сейчас тишина была плотной, и каждый в ней что-то переставил, не глядя.

Вера знала, что вопрос будет задан. Она думала, что ответит спокойно, и сейчас поняла, что спокойствие ей не понадобится. Нужна была правда, но в том объёме, какой можно сказать вслух.

— Денис сегодня не придёт, — сказала она. — Сегодня мы работаем без него.

Марина посмотрела на неё долго. Потом кивнула, медленно, как кивают, когда ответ уже понятен, но вслух его произносить не хочется. Павел закрыл глаза. Алина не шевельнулась, только её взгляд на мгновение вернулся к папке, которая лежала у локтя Веры, и снова ушёл в пустоту.

Вера подумала о схеме. Карандашный рисунок двери с тяжёлым засовом лежал в блокноте, который сейчас был прямо перед ней, в закрытой синей папке. Если бы кто-то из них увидел этот рисунок, он узнал бы его не по памяти, а по линиям. Узнал бы, что дверь нарисована так, как её закрывали изнутри. Или снаружи. Вера ещё не знала, что именно говорит рисунок, но понимала, что его нельзя показывать тем,

кто помнит эту дверь. Слишком легко было бы подписать его чужим именем.

— Мы сделаем перерыв, — сказала она. — Потом вернёмся к тому, на чём остановились. Или не будем возвращаться, если никто не захочет.

Она взглянула на часы. До конца сеанса оставалось почти полчаса. Вера выключила диктофон, и красный огонёк погас. В комнате стало слышно, как шуршит пальто, которое Павел наконец забрал со стула.

— Спасибо, — сказала она. — Вы хорошо поработали. Все.

Павел встал первым и вышел, не попрощавшись. Марина задержалась у двери и сказала, не оборачиваясь:

— Вы сохраните то, что записали? Про дверь.

— Сохраню, — ответила Вера. — Ровно то, что было сказано.

Марина кивнула и вышла. Алина сидела дольше всех. Она смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и Вера подумала, что сейчас та снова начнёт считать ступени, но Алина поднялась, одёрнула куртку и сказала:

— Двенадцать. Я посчитала. Одиннадцать и одна железная.

— Я запомнила, — сказала Вера.

Алина кивнула и вышла в коридор, где пахло клеем от свежего линолеума и тем горьковатым запахом, который, казалось, уже въелся во всё здание.

Вера осталась одна. Она открыла синюю папку, не глядя на страницы, достала блокнот Ломова и посмотрела на рисунок двери. Линии были тонкими, почти стёртыми на углах, и только засов внизу был проведён нажимом, в два прохода карандаша. Вера закрыла блокнот, положила его обратно в папку и защёлкнула магнитный замок. Звук снова был тихим.

Она убрала папку в сумку, в её внутренний карман, и застегнула молнию. Потом положила ладонь на сумку сверху, там, где лежала папка, и подержала так несколько секунд, пока не почувствовала, что рука больше не дрожит.

Сумка легла на колено тяжелее, чем следовало. Вера поправила ремень и вышла в коридор.

Здесь пахло сильнее: клеем, свежей краской и мокрым цементом из того крыла, где ещё работали. За стеклянной дверью лестницы стояли Павел и Марина. Они говорили вполголоса, и Павел держал руки в карманах куртки, будто мёрз, хотя батареи в коридоре были горячими. Увидев Веру, Марина замолчала. Павел шагнул к стене, к стенду с расписанием занятий, и принялся читать его так внимательно, словно собирался сдавать экзамен.

— Вы ещё здесь, — сказала Вера.

— Ждём, пока отпустит, — ответил Павел, не оборачиваясь.

Марина посмотрела на сумку у Веры на плече, потом на её руки. Взгляд был коротким, без вопроса. Вера не стала

его разгадывать. Сейчас важнее было то, что Марина ничего не спросила.

— Если кому-то понадобится поговорить, я на этаже до четырёх, — сказала Вера. — Или можно позвонить мне.

— Позвоним, — сказала Марина, и в её голосе не было ни обещания, ни отказа.

Алина стояла в конце коридора, у окна, где ряд батарей был особенно горячим. Она не смотрела ни на кого. Пальцами правой руки она касалась подоконника, медленно, от края к краю, как касаются клавиш, которые не хотят звучать. Вера подумала, что она, наверное, считает. Ступени, ампулы, дни до следующей смены. Счёт помогал ей держаться, и Вера не хотела его сбивать.

У двери служебной комнаты дежурная Тамара Игнатьевна поднялась из-за стола и протянула журнал посещений.

— Расписывайтесь, Вера Андреевна. Время выхода.

Вера взяла ручку. Пальцы были холодными, и почерк вышел чуть косым. Она вписала время, поставила подпись и на мгновение задержала ручку над графой «примечания».

— Алина Коваль у нас сегодня рано, — сказала Тамара Игнатьевна. — Я ей ключ от малой комнаты выдала, она сама открыла. Сказала, что ей удобнее там посидеть до вас.

— Спасибо, — ответила Вера. — Она уже ушла?

— Ушла. Вместе с Мариной Сергеевной, они через двор пошли. Павел Николаевич минуту назад тоже.

Тамара Игнатьевна говорила ровно, без любопытства, как

говорила о погоде или о ключах. За её спиной на стене висел старый календарь с выцветшей фотографией главного корпуса до пожара. Окна там были целые, на крыльце стояли дети в одинаковых куртках.

Вера положила журнал на стол и тут же вспомнила, как папка лежала у её локтя, когда Марина смотрела на неё. Это было не долго, секунд пять, но Марина смотрела именно туда. Значит, папку могли видеть, даже если Вера ни разу её не открыла. Открытой её не видели, но и закрытой её не надо было оставлять без присмотра.

Она вышла на крыльцо. Здесь дым был гуще, чем в здании. Он стлался над двором низко, почти до крыш гаражей, и пах так, что першило в горле. Вера достала платок, приложила к губам и постояла, глядя на серые ворота, за которыми начиналась промзона. Туда ночью уехал Денис Ломов, и туда же теперь смотрели все, кто помнил этот двор.

Она потрогала сумку. Папка была на месте. Внутри, под крышкой, лежал блокнот с тонкими линиями двери, и засов внизу, проведённый в два прохода карандаша, по-прежнему не давал покоя. Вера не знала, кто нарисовал его. Знала только, что нарисовал тот, кто хорошо помнил, как дверь закрывают.

Она спустилась по ступеням. Их было семь, и ни одна не звенела.

Глава 4
Состав ГФ-7

Лаборатория встречала без окон. Свет в коридоре горел ровно, без мигания, и от этого казалось, что время здесь течёт медленнее, чем снаружи. Глеб сидел на жёстком стуле у стены, положив папку на колено. Правая рука лежала поверх неё, как чужая вещь, которую он на время взял. Левой он держал ручку и выводил на бланке номер запроса. Буквы выходили наклонными, будто писал кто-то другой, торопясь.

Запах дыма доходил и сюда. Он был слабым, почти незаметным, как пыль на стекле, но Глеб ощущал его в бумаге, которую принёс, и в рукаве пиджака. За двумя дверями с кодовыми замками дым должен был пропадать. Не пропадал.

Из приоткрытой двери лаборантской доносился шорох пластика и резкий звук выдвигаемого ящика. Потом ещё один. Лапшин стоял у стеллажа, спиной к Глебу, и перебирал пробирки с бирками. Пробирки были маленькие, с завинчивающимися крышками, и на каждой от руки было написано: дата, фамилия, слово «смыв» или «ткань».

— Ломов, — сказал Лапшин, не оборачиваясь. — Трахея, правое лёгкое, смыв. Второй день ищу. Кто-то положил в чужую коробку.

— Положили или ты не туда смотрел?

— Я смотрю туда, куда положено. Просто положили не туда.

Он вынул коробку, поставил на стол, пролистал картонные ячейки и поднёс пробирку к свету. Жидкость внутри была серой, с бурым осадком на дне. Лапшин посмотрел на неё так, будто от этого осадка зависела его собственная репутация, и поставил пробирку в штатив.

— Нашёл, — сказал он. — Теперь пусть Элла Константиновна скажет, что там на самом деле.

Глеб перевернул страницу запроса и посмотрел на часы над дверью. Прошло сорок минут с тех пор, как он вошёл. Сорок минут назад Ефимова обещала, что результат будет к полудню. Теперь было без десяти двенадцать.

Дверь в дальнем конце коридора открылась без стука. Элла Константиновна Ефимова вышла в белом халате, поверх которого была надета синяя накидка, и держала в руках тонкую папку. Она шла быстро, но не спешила, как ходят люди, привыкшие, что их ждут. Волосы убраны под шапочку, очки сдвинуты на лоб. Она остановилась у стола, посмотрела на Глеба, потом на Лапшина, и её взгляд ненадолго задержался на правой руке Глеба, которая лежала на колене.

— Вы не в том кабинете, Глеб Аркадьевич, — сказала она. — Здесь вам лучше не сидеть без маски.

— Я сижу в коридоре.

— Тем более. Коридор у нас тоже вентилируется.

Она положила папку на стол и раскрыла её. Внутри были

распечатки с графиками: несколько кривых, почти одинаковых, с пиками, которые Глеб не умел читать.

— Смыв из трахеи и правого лёгкого, — сказала Ефимова. — Частицы сажи размером от одного до двух микрон. Углерод, конечно, есть почти везде. Но нас интересует органика, которая осела вместе с ним. Не горелая древесина и не бытовые полимеры. Ветошь тоже не то. Вот здесь, видите?

Она провела ногтем по графику. Глеб видел только линии, резкие, с неравномерными выступами.

— Это маркерные продукты термодеструкции. Они образуются, когда горит определённый состав. Мы сравнили спектр с эталонами из базы. Совпадение по шестнадцати позициям из восемнадцати.

— Что это за состав?

— Грунтовка на глифталевой основе, если говорить грубо. С растворителем и пигментом. Её обычно наносили на деревянные конструкции, на перегородки, на пол в подсобках. Шестнадцать совпадений для нашей работы почти уверенность.

— Почти, — сказал Глеб.

— Я не буду говорить «уверенность» там, где её нет. Мне нужен эталон из того же самого производственного хвоста, если он сохранился. Но по составу это ГФ-7.

Лапшин, который до этого стоял у стеллажа с пробиркой в руке, поставил её в штатив и обернулся.

— ГФ-7, — повторил он. — Его сняли.

— Сняли, — кивнула Ефимова. — Приказом по министерству. Пятнадцать лет назад, в том же году, что и пожар в «Заре», если я правильно помню даты. Производство остановили, остатки изъяли. Я тогда ещё стажировалась и видела этот приказ в учебной папке. Там было написано «в связи с нарушением технологии и повышенной токсичностью продуктов горения».

— Нарушение технологии, — сказал Глеб. — Кто-то это проверял?

— Проверял. Результатов не помню. Документы должны быть в архиве.

Глеб поднял левую руку и провёл пальцами по краю листа, стараясь не сдвигать его. Пальцы были холодными, и кончики слегка дрожали. Он заставил себя опустить руку.

— Мне нужны ведомости выдачи, — сказал он. — Кто получал партии ГФ-7 в том году. Кому отгружали, по каким документам, в какие сроки. Все, что сохранилось.

— Это не моя часть, — сказала Ефимова. — Это снабжение и склад. Но я могу подсказать, где искать. Служба материально-технического обеспечения вела учёт по лабораториям, которые работали с химией. Если что-то сохранилось, оно либо в их архиве, либо в общем фонде.

— Фонд закрыт, — сказал Лапшин. Он уже достал телефон и смотрел в экран, не разворачиваясь. — У меня доступ есть к описям. К ведомостям — нет. Надо писать запрос.

— Напиши, — сказал Глеб.

— Ты знаешь, что будет, если я напишу запрос по эпизоду, который с тебя сняли?

— С меня сняли эпизод по Лесову. Этот эпизод у меня не снимали.

Лапшин повернулся. Лицо у него было усталое, с серыми тенями под глазами, и папиросы он, видимо, курил не первый раз за утро.

— Снимали или нет, решать не тебе и не мне, — сказал он. — Но запрос я напишу. Только от своего имени. И ты не будешь его подписывать.

— Подпишу, — сказал Глеб. — Левой.

Лапшин хмыкнул, но ничего не ответил.

Ефимова собрала распечатки обратно в папку, перевязала тесьмой и положила перед Глебом.

— Заключение будет к вечеру, когда я сверю эталоны. Здесь предварительная часть. Я написала, что совпадение неполное, потому что так и есть. Если кто-то захочет это оспорить, пусть приносит свой спектр.

— Кто захочет?

Ефимова посмотрела на него поверх очков. Секунду она молчала, и Глеб подумал, что она сейчас скажет что-то лишнее. Но она только пожала плечами.

— Те, у кого есть интерес, — сказала она. — У нас таких всегда хватает.

Она вернулась в лабораторию, и дверь закрылась с тихим шипением уплотнителя. Глеб остался с папкой на коленях.

Лапшин отошёл к окну в конце коридора. Там был узкий проём с решёткой и маленькой форточкой, которая открывалась на десять сантиметров, не больше. Он щёлкнул зажигалкой, но не прикурил, а просто держал её в ладони, как будто хотел проверить, работает ли.

— Здесь нельзя, — сказал Глеб.

— Знаю. Просто держу.

Он повернулся спиной к окну и стоял, опираясь плечом о раму. Потом сказал, не глядя на Глеба:

— Если бы я был на твоём месте, я бы сейчас думал о том, почему тот, кто хранил эту дрянь в пятнадцатом году, до сих пор работает с химией.

— Я думаю о том, кто её выдавал.

— Выдавали те, кто подписывал. А хранили другие.

Глеб посмотрел на него. Лапшин выглядел так, будто сказал меньше, чем хотел, и теперь жалеет о каждом слове.

— Что ты знаешь о лаборатории, которая получала партии? — спросил Глеб.

— Сигма, — сказал Лапшин. — Была такая частная контора на Пролетарской, маленькая. Вела экспертизы для страховых и для пары районных отделов. Потом её переименовали, потом ещё раз. Сейчас там крупная вывеска и собственный аналитический блок. Директор там один и тот же уже лет десять, если не больше.

— Кто?

Лапшин помолчал. Потом отвернулся к окну, выпустил

воздух через нос.

— Кречетов, — сказал он. — Владимир Олегович. Ты его знаешь. Он тогда в государственной лаборатории работал лаборантом, потом ушёл в частный сектор.

Глеб знал это имя. Оно вызывало в памяти стол, заваленный папками, и запах реактивов, и чей-то ровный голос, объясняющий порядок проб. Но образ был смазанным, как отпечаток на стекле, и Глеб не стал его додумывать.

— Нужны ведомости, — сказал он. — Именно по Сигме. Все партии за тот год.

— Будут, — сказал Лапшин. — Может быть. Если кто-то решит, что их можно выдать.

Он бросил зажигалку в карман халата и вернулся к стеллажу. Открыл ещё одну коробку, достал пробирку, поднёс к свету, повернул. Жидкость в ней была светлее, почти прозрачной.

— Вот ещё, — сказал он. — Тоже Ломов. Ткань с лица.

Глеб посмотрел на пробирку, потом на свою левую руку, которой держал ручку. Рука уже устала. Он положил ручку на бланк и поставил подпись, неровную, с завитком, который вышел слишком длинным. Подпись вышла чужой. Он задержал взгляд на ней, потом перевернул бланк текстом вниз.

Лапшин вынул из коробки ещё одну пробирку и не стал её показывать. Только сказал:

— Если кто-то спросит, кто из нас был здесь сегодня, я скажу, что ты.

— Почему?

— Потому что ты не будешь врать.

Глеб не ответил. Он смотрел на папку с распечатками, на тесьму, на аккуратный узел, который Ефимова завязала сама.

Из коридора донёсся короткий звонок, потом ещё один. Где-то за стеклом снова заработала вытяжка, и воздух в лаборатории слегка дрогнул, как дрожит бумага, когда кто-то проходит мимо.

* * *

Лапшин прислал файл без сопроводительного текста, в девятом часу вечера. Имя файла было набрано с ошибкой: «опись_Заря_т1_копия». Глеб открыл его на ноутбуке, стоявшем на кухонном столе, и сначала ничего не понял. Строки шли сплошным серым полем, номера листов были мелкими, а сканирование кое-где легло криво, так что нижний край страниц уходил в тень.

Окна в квартире были закрыты, но запах всё равно просачивался через рамы. Сладковатый, с горчинкой, как от тлеющей резины. Со стороны промзоны торфяники тянули дым к городу, и к вечеру он оседал на улицах тонким слоем. Глеб уже не замечал его на улице, но дома чувствовал, как тот садится на бумагу. Листы в папке слегка пахли гарью, и пальцы после них пахли тоже.

Он прокрутил опись к первой странице, потом к середине. Тома, листы, даты, номера эпизодов. Опись была составлена аккуратно, почерком архивной сотрудницы, с ровным наклоном. Внизу каждой страницы стоял штамп и короткая отметка «сверено». Глеб читал медленно, водя по строкам левым указательным пальцем, как когда-то учили на первом курсе, и на третьей странице остановился.

Протокол осмотра места происшествия. Интернат «Заря», цокольный этаж, подсобное помещение. Дата, время начала, время окончания. Понятые. Далее список. Фамилия составителя описи значилась отдельной строкой, и Глеб сначала прочёл её как чужую.

Он подвинул ноутбук ближе и увеличил фрагмент. Внизу протокола стояли подписи. Первая принадлежала эксперту пожарной охраны, её он знал по старым делам, размашистую, с длинным хвостом. Вторая была короткой, с нажимом на букве «С». Под ней читалось машинописное: «Ст. помощник дознавателя Ставицкий Г. Л.».

Подпись была его. Глеб понял это не сразу. Сначала он увидел букву, потом завиток, слишком ровный для того, каким он расписывался теперь. Почерк был тверже, мягче в углах, без той натяжки, которая появилась у него после прошлой зимы. Он попытался вспомнить, как держал ручку в тот день, и не смог. Перед глазами был только бланк на деревянном ящике, и сырой холод от пола, и чей-то голос, что-то говоривший про сроки.

Он откинулся на стуле. Левая рука лежала на краю стола, правая оставалась на коленях, и он не стал её поднимать.

Пятнадцать лет назад он был молодым помощником. Это он знал. Знал, что в тот год получил первое самостоятельное поручение с выездом на пожар, что машина пришла поздно, что пожарные уже вынесли часть вещей во двор. Знал, что был в подвале, потому что в протоколе это написано. Но сам подвал существовал у него только в виде отдельных предметов: лестница с мокрыми перилами, фонарь на длинном шнуре, пятно на бетоне, похожее на след от ведра. Лица людей, которые там стояли, стёрлись. Остался только чей-то кашель и то, как он сам написал первую строку и вычеркнул её.

Глеб понял, что помнит тот день хуже, чем должен помнить. Для протокола этого хватило бы. Для себя — нет.

Он снова посмотрел на подпись. Потом на строки выше. В описи под номером протокола стояла короткая помета: «Фото 1–6, подсобка, пол, стена, дверь. Приложено». Фотографий в деле он не видел. Ни в скане, ни в тех копиях, что ему передавали раньше. Может, их не было с самого начала. Может, их просто не переписали.

Телефон на столе вздрогнул и засветился. Сообщение от Лапшина: «Ты открыл?»

Глеб набрал ответ одним пальцем, медленно, поправляя каждую букву: «Открыл. Фото в описи есть, в копиях нет».

Ответ пришёл почти сразу: «Знаю».

Глеб напечатал: «Ты это видел раньше?»

Долгая пауза. Потом короткое: «Видел. Не я искал. Мне принесли. Завтра поговорим, не по телефону».

Глеб хотел написать что-то ещё, но понял, что любой его вопрос сейчас будет звучать как нажим. Лапшин не отвечал на нажим, он молчал, пока не становилось поздно. Глеб это знал.

Он встал, прошёл к окну и отодвинул штору. За стеклом был двор, фонарь с размытым ореолом и редкие машины. Дым висел над крышами ровно, без ветра, и фонарь в нём казался далеким и ненастоящим. Глеб постоял, глядя на эту муть, потом вернулся к столу.

Опись он сложил пополам, по строке с подписью, и положил на край стола. Не на папку, а рядом, чтобы страница не касалась обложки. Руку опустил на бумагу, придавил, потом понял, что держит её слишком долго, и убрал.

Папка оставалась открытой. Тесьма от распечатки Ефимовой лежала сбоку, узел был развязан. Глеб смотрел на лист, где стояла его подпись, и не закрывал папку.

Он всё же поднял правую руку и положил её на мышь, но щелкать не стал. Пальцы не слушались, курсор дрогнул, сполз к краю строки и остановился на цифре «6». Фотографии с первой по шестую. Подсобка, пол, стена, дверь. Глеб попытался представить, что на них видно, и не смог. Перед глазами снова вставал деревянный ящик с бланком, а не то, что на нём было снято.

Он помнил запах. Мокрый кирпич, бензин от пожарной

машины, которая стояла у ворот с включённой фарой. Это было, в этом он был уверен. Но сама улица держалась в памяти как кадр, вырезанный из чужой пачки снимков: без лиц, без времени, без звука. Крепко сидело только одно. Тогда он торопился. Торопился и не спросил, почему подписывать первым дали ему, молодому помощнику, а не тому, кто старше по званию и сидел в машине с документами.

Он посмотрел на дату в шапке протокола. Двенадцатое число. Потом на время окончания осмотра. Записано: 02:40. Глеб не помнил, сколько тогда было на часах. Помнил только, что в подвале было холодно, а лампа над лестницей мигала, и кто-то из пожарных сказал, что проводку надо смотреть отдельно.

Телефон тихо дрогнул. Пришло уведомление о погоде: ветер к утру сменится на северо-восточный, дым может либо уйти к степи, либо осесть плотнее. Глеб выключил звук и отложил телефон экраном вниз.

Мысль о Вере пришла сама, без приглашения. Она сейчас, наверное, тоже сидит над бумагами, перечитывает свои записи и проверяет каждую фразу дважды. Он знал это о ней так же хорошо, как знал, что она не станет торопить людей, даже когда торопят её. Мысль не относилась к делу, и он отодвинул её в сторону, как отодвигают чужую чашку.

Глеб встал, прошёл к раковине и налил воды. Вода пахла ржавой трубой, как всегда весной, когда оттаивает стояк. Он пил медленно, стоя спиной к столу, и слышал, как на кухне

тикают часы, которые он давно собирался снять. Левую руку он держал на краю раковины. Правая висела вдоль бедра и мешала ему, как лишний предмет.

Вернувшись, он взял опись и развернул её. Лист слегка хрустнул, сгиб пошёл по строке с подписью. Глеб разгладил бумагу левой ладонью, от середины к краю, и снова увидел букву «С» с нажимом. Подпись не изменилась. Он поймал себя на том, что ищет в ней что-то, чего раньше не замечал: какую-то дрожь, неуверенность, след чужого нажима. Ничего такого не было. Был почерк, который пятнадцать лет назад вывел он сам, и который теперь казался ему почерком человека, которого он знал плохо.

Он подумал, что надо позвонить Лапшину, но не стал. Лапшин сказал «завтра», и это значило, что раньше он ничего не скажет. Глеб понимал его молчание и не любил его, но уважал, потому что сам так же долго держал язык за зубами, когда это было выгодно только тем, кто мог пострадать.

Тесьма от распечатки Ефимовой лежала сбоку. Он намотал её на палец, потом отпустил, и она скользнула обратно на бумагу. Узел остался развязан. Рядом лежала ручка, которой он не пользовался с утра: её он взял, но тут же положил, потому что писать правой не мог, а левой выходило криво, буквами, которые он не узнавал.

За окном фонарь всё так же висел в дыму. Глеб смотрел на него, пока свет не стал казаться плоским, как бумажный круг на стекле.

Он снова придвинул опись, открыл её на третьей странице и положил рядом с ноутбуком. Строка с подписью оказалась на уровне глаз. Он не стал читать её заново. Он просто смотрел, пока буквы не начали расходиться, как будто бумага отходила от себя самой.

Потом протянул руку, тронул край папки и остановился. Закрывать её не стал. Оставил открытой, с листом, где стояла его фамилия, и сел, не выключая лампы.

Глава 5
Тома старого дела

Читальный зал архива занимал всю северную часть третьего этажа. Окна здесь не открывались с зимы, но запах всё равно проникал сквозь щели в рамах. Дым от торфяников лежал над рекой, и к утру он просачивался в коридоры вместе с сыростью. Вера замечала его сразу, как только входила, и каждый раз думала, что бумаге он вредит больше, чем людям.

Она сдала пропуск и села за дальний стол, у стены, где лампа стояла ближе к розетке. Поверхность была зелёная, сукно вытерлось до серого у края. На столе лежал лист с правилами: карандаш, без ручек, без закладок из бумаги, без копирования без разрешения.

Дежурная вышла из-за конторки и подошла, не спеша, с папкой под мышкой. Раиса Петровна работала здесь, сколько Вера себя помнила. Очки на цепочке, серый жакет, разговор всегда короткий.

— Вы по «Заре», — сказала она, не спрашивая.

— По «Заре». Тома первый и второй, если можно.

Раиса Петровна положила папку перед ней и раскрыла её на первой странице, как будто проверяла, что ничего не сместилось.

— Вот первый, вот второй. Третий у нас на сверке, обещали через неделю. Вы учтите: часть листов выдаём только по письменному запросу. Экспертизу, протоколы лабораторных исследований. Всё, что с подписями экспертов и с печатями.

— Я в архивном отделе работаю, Раиса Петровна.

— Знаю, Вера Андреевна. Но правила я не пишу. Нужен запрос с подписью руководителя отдела и печатью.

— Тогда я посмотрю то, что выдаётся.

— Посмотрите. Если что-то понадобится, напишите, я передам наверх. Только быстрее не получится, у нас очередь.

Она уже собиралась уйти, но задержалась и добавила тише, почти про себя:

— Этим делом интересовались на той неделе. Из какой-то конторы звонили, спрашивали, кто брал.

Вера подняла глаза.

— Фамилию назвали?

— Нет. Сказали, что из проекта, по поводу реставрации. Я записала, что звонили. Журнал там, на конторке.

— Спасибо.

Раиса Петровна кивнула и ушла за конторку. Вера слышала, как она переставляет что-то на полке, потом щёлкнул выключатель и загудел вентилятор у окна. Воздух шевельнулся, но запах не ушёл.

Вера вынула из сумки блокнот, карандаш, точилку, положила всё ровно, по линейке столешницы. Потом открыла

первый том.

Дело открывалось описью. Листы были пронумерованы карандашом, поверх старой печатью, в правом верхнем углу. Номера шли без пропусков до сорок первого, потом снова с двадцатого. Вера перелистала назад, сверила. Двадцатый лист оказался вложен в обложку от другого дела, на обороте стояла чужая отметка о выдаче. Она переписала номер в блокнот, рядом поставила знак вопроса, потом зачеркнула его, потому что вопрос был не к ней, а к тому, кто вёл архив тогда, и она этого человека не знала.

Заключение о причине пожара было на сорок третьем листе.

Текст был напечатан на машинке, с пропущенными буквами в двух местах, исправленными от руки. Вера читала его медленно, так, как читала всегда, когда впервые открывала документ: сначала заголовок, потом даты, потом фамилии, потом выводы. Выводы она оставляла напоследок, как будто они могли измениться, если подождать.

«Очаг возгорания установлен в помещении прачечной цокольного этажа, в районе распределительного щитка. Причина пожара — аварийный режим работы электропроводки, короткое замыкание. Установлено по результатам осмотра места происшествия и на основании материалов, представленных комиссией».

Фамилия следователя внизу была написана разборчиво. Фамилия того, кто подписал заключение, стояла под ней, со

штампом районного управления. Вера выписала обе фамилии в блокнот, по одной в строке, и рядом короткую дату.

Экспертизы в тексте не было. Ни номера, ни даты, ни ссылки на лабораторию. В разделе «Основания» стояли «материалы осмотра» и «показания очевидцев», без указания, каких очевидцев и сколько. Вера перечитала раздел дважды, потом открыла опись приложений, которая шла в конце того же листа. В списке значились фотографии, схема помещения, акт изъятия щитка. Экспертного заключения в списке не было.

Она записала это, не добавляя ни слова, и перевернула страницу.

Акт закрытия дела лежал на сорок седьмом листе, отдельно, на бланке с гербом. Короткий документ, на полстраницы. «Дело прекращено в связи с установлением причины пожара и отсутствием признаков умышленного поджога». Дата, через две недели после заключения. Утверждено подписью, с расшифровкой: заместитель главы администрации по социальной политике. Печать стояла криво, на край подписи.

Вера провела карандашом под строкой, не касаясь бумаги. Потом проверила ещё раз. Акт ссылался на заключение о причине, но заключение не называло ни лаборатории, ни экспертов, ни результатов исследований. Ни одного слова о пробах, о составе, о копоти или о чём-то, что можно было бы проверить. Документ, который должен был закрыть дело о гибели детей, опирался на бумагу, которая сама не опира-

лась ни на что.

Она отложила карандаш и посмотрела в окно. За стеклом стояла та же серая дымка, в которой не было ни крыш, ни неба. Вентилятор тянул воздух, и запах гари был теперь слабее, но он был в бумаге, в её пальцах, на обшлаге рукава. Вера подумала о своей куртке, которую оставила в гардеробе внизу, и о том, что запах всё равно будет с ней до вечера.

Раиса Петровна прошла мимо, не глядя, и поставила на полку другой том. Ни одна из старых читательниц не обернулась. В зале было тихо, только шелестели страницы у соседнего стола и кто-то тихо кашлял в платок.

Вера вернулась к сорок седьмому листу. Подпись Ветрова была размашистой, с хвостом, который уходил за край строки. Она провела по ней глазами и не стала ничего добавлять в блокнот. Просто посмотрела, как ложится линия, и поняла, что запомнит её надолго.

Потом взяла карандаш, уголок страницы подтянула к себе и поставила на полях, рядом с номером листа, короткую отметку. Не вопрос и не вывод, только точку, по которой можно будет вернуться. Положила карандаш поперёк тома, между страниц, и закрыла папку ровно, по краю, как закрывала все дела, которые ещё не были закончены.

Она сидела, не открывая второй том, и смотрела на собственный почерк в блокноте. Буквы ложились ровно, без наклона, как всегда, когда она писала быстро и без лишних мыслей. Фамилии стояли одна под другой, дата рядом. Ни-

чего из этого не говорило о том, что она чувствует, и она была рада этому.

Потом она всё же открыла второй том.

Здесь было больше бумаги. Протоколы допросов, короткие справки из больницы, список погибших с возрастами и датами рождения. Вера читала список медленно, фамилию за фамилией, и не пропускала ни одной строки. Возраст был указан у каждого. Против четырёх фамилий стояла пометка «опознан по документам», против двух других — «опознан по описанию». Она вернулась к этим двум и переписала их в блокнот без комментариев. Какое описание могло быть у ребёнка, которого не осталось в том виде, в каком он был, она спрашивать не стала. Ответа на этот вопрос в деле не было, и это само по себе было ответом.

Справка из больницы о детях, доставленных ночью, лежала на отдельном листе. Ожоги дыхательных путей, отравление продуктами горения, в двух строках слово «состояние тяжёлое». Врач, который подписывал справку, стоял в конце той же страницы. Вера нашла его фамилию в конце тома, в списке участников комиссии, и отметила, что он поставил подпись на одиннадцать дней раньше, чем подписал заключение о причине пожара. Она не знала, важно ли это. Но записала.

Протоколы допросов были короткими. Воспитатели говорили о порядке, о том, что вечером в прачечной никого не было, что дверь подвала запиралась на ключ и ключ висел

в кабинете завхоза. Дети говорили мало. Фразы в протоколах были записаны со слов, и кто-то, чей почерк был мельче остальных, исправлял отдельные слова на те, что казались ему правильнее. Вера отметила это карандашом на полях. Не как ошибку. Как то, что потом может понадобиться.

Она подняла голову. У соседнего стола пожилой мужчина в очках переворачивал страницы одну за другой, водя пальцем по строкам. Вентилятор гудел ровно. Запах гари стоял в воздухе, не сильный, но постоянный, и Вера поймала себя на том, что дышит неглубоко, почти не открывая рта.

Она встала, подошла к конторке и попросила бланк письменного запроса.

Раиса Петровна выдвинула ящик, достала бланк и пододвинула к ней вместе с ручкой.

— Экспертиза, — сказала Вера. — Заключение лаборатории по причине пожара. В деле его нет, в описи приложений тоже. Мне нужно понять, было ли оно вообще.

— Пишите, что нужно, — ответила Раиса Петровна. — Подпись руководителя отдела есть у вас?

— Будет.

— Тогда несите. Без подписи не пойдёт.

— Понимаю.

Раиса Петровна посмотрела на неё поверх очков, и на мгновение в её лице мелькнуло что-то, что Вера не смогла назвать, то ли усталость, то ли осторожность.

— Вы, Вера Андреевна, поосторожнее с этим, — сказала

она уже тише. — Старые дела у нас всем мешают. И тем, кто их открывает, и тем, кто их закрывал.

Вера ничего не ответила. Она взяла бланк, вернулась к столу и села. Заполнила строки аккуратно, без помарок: номер дела, том, лист, предмет запроса. В графе «основание» написала: «отсутствие экспертного заключения в деле при наличии ссылки в акте». Перечитала и зачеркнула слово «отсутствие», вписала «неподтверждённость». Потом подумала, что слово всё равно звучит как вывод, и вернула прежний вариант. Пусть будет так, как есть.

Бланк она положила на край стола, отдельно от тома, чтобы не перепутать.

Потом вернулась к сорок седьмому листу. Акт закрытия лежал на том же месте, с криво поставленной печатью и размашистой подписью, которая уходила за край строки. Вера смотрела на неё долго, пока буквы не стали просто линиями. Потом взяла карандаш, аккуратно, двумя пальцами, и на полях, у самой кромки, рядом с номером листа, поставила короткую отметку: маленький круг с точкой внутри. Это был её знак для мест, к которым нужно будет вернуться. Такой знак она ставила в каждом деле, и никогда не объясняла, что он значит, даже себе.

Она положила карандаш поперёк тома, между страницами, как раньше, и сдвинула том к краю стола. Не закрыла, а отодвинула. Бланк запроса лежал рядом, и на нём чернила были ещё сырыми.

Вера оглянулась на конторку. Раиса Петровна уже не смотрела в её сторону. Вентилятор гудел, за окном стояла серая дымка, и запах гари, который Вера принесла с собой в зал, никуда не уходил.

* * *

Опись занимала две страницы, отпечатанные на машинке с западающей буквой «р». Вера положила её рядом с блокнотом и сначала просто прочитала сверху вниз, не выписывая ничего. Колонки были стандартные: номер листа, наименование документа, количество листов, примечание. Ровные строки, аккуратные отбивки. Такую опись могла составить любая канцелярия, и во многих делах, которые Вера смотрела за последние годы, она выглядела именно так.

Потом она начала сверять номера.

Первые двенадцать листов шли по порядку. Тринадцатый значился ниже четырнадцатого, и это было похоже на обычную ошибку при перепечатке. Пятнадцатый шёл после девятнадцатого. Дальше порядок снова восстанавливался, но в колонке примечаний напротив листов с двадцатого по двадцать третий кто-то поставил карандашом короткие значки, похожие на галочки, только без нижней черты. Вера перевернула страницу и нашла такие же значки ещё в трёх местах.

Она взяла лупу из ящика конторки. Раиса Петровна выдавала её только по просьбе, и Вера попросила без объясне-

ний. Дежурная кивнула, не глядя.

Под лупой карандашные значки оказались не галочками, а цифрами, стёртыми и переписанными. Тройка, поверх которой поставили пятёрку. Опись была составлена по эпизодам, и в шапке каждой группы листов стояла строка «Эпизод», а за ней номер. Против записи о протоколе осмотра подсобки цокольного этажа номер эпизода был написан от руки, синей пастой, и заметно крупнее печатного текста. Остальные строки были заполнены на машинке. Эта одна была написана кем-то другим, с нажимом, и цифра «4» имела характерный загиб, который Вера уже видела на полях второго тома, рядом с пометкой о допросе воспитательницы.

Она не стала делать выводов. Вынула блокнот и записала номер строки, цвет пасты, размер цифр. Потом сверила каждую запись описи с тем, что видела сегодня в томах.

В первом томе были протокол осмотра места пожара, схема цокольного этажа без масштаба, два листа с описанием прачечной и список свидетелей. Протокола осмотра подсобки в первом томе не было. Опись говорила, что он на сорок третьем листе. Сорок третьего листа в том виде, в каком его описали, она не нашла. Между сорок вторым и сорок четвёртым лежал лист, на котором стоял штамп архива, но без текста: только печать и дата поступления.

Вера вернулась к описи и вписала в блокнот столбцом все номера, которых не видела. Потом проверила ещё раз, по строкам. Фотографии с первой по шестую, приложенные к

протоколу, в томе отсутствовали. В описи на них была ссылка: «фототаблица, приложение к п. 4». Самой таблицы не было. Не было и акта передачи образцов, хотя он упоминался в описи дважды, с разными датами. Дата в первой записи совпадала с датой закрытия осмотра подсобки, во второй стояла на два дня раньше. Такое могло случиться при переписывании. Могло и не случиться.

Она составила список. Сначала от руки, потом переписала начисто, аккуратным столбиком:

Лист 43 — протокол осмотра подсобки, отсутствует.

Фототаблица, приложение к п. 4, фото 1–6 — отсутствует.

Акт передачи образцов от 12 числа — отсутствует в томе, в описи дважды с расхождением дат.

Лист между 42 и 44 — пустой, со штампом поступления.

Строки 19–23 — номера листов переставлены, примечания без подписи.

Подписала список. Потом подумала и зачеркнула подпись, оставив только дату. Не потому, что сомневалась в списке. Просто не хотела, чтобы бумага выглядела как документ, который уже кто-то должен принять.

Дежурная подошла к столу, посмотрела на бланк запроса, лежавший отдельно, и перевела взгляд на список.

— Вы это тоже запрашиваете? — спросила она.

— Пока нет, — ответила Вера. — Сначала мне нужно сверить с копиями.

— С какими копиями?

— С теми, что у нас в отделе сохранились.

Раиса Петровна помолчала. За её спиной в глубине зала кто-то уронил папку, и звук прокатился между стеллажами, как короткий хлопок.

— Если оригиналы у нас, — сказала дежурная, — то запрос пойдёт через день-два. Отдел выдаёт листы по одному, не больше двух на заявку. Вы это знаете.

— Знаю.

— Тогда ждите. Или присылайте своих людей, пусть пишут.

Вера кивнула. Она не стала объяснять, что её люди сейчас не могут писать ничего, кроме своих рапортов, и что один из них почти не держит ручку. Раиса Петровна и так знала больше, чем говорила.

Вера собрала тома. Сорок седьмой лист она проверила ещё раз, прежде чем закрыть папку: подпись Ветрова лежала на месте, хвост уходил за край строки. Отметка на полях, маленький круг с точкой, была тонкой, почти незаметной. Она оставила её там, где поставила.

Бланк запроса Вера аккуратно сложила вдвое и убрала в папку. Список недостающих страниц положила отдельно, между листами блокнота, чтобы не помялся. Блокнот застегнула на резинку.

Гардероб был внизу, за лестницей. Пока Вера спускалась, в нос снова ударил запах гари, сильнее, чем в зале. Внизу, в вестибюле, пахло мокрым линолеумом и сигаретами, но под

этим всем шёл тот же дым, тяжёлый и сухой, будто от тлеющей бумаги.

Гардеробщица подала куртку молча. Вера надела её, почувствовала под пальцами шершавую ткань, на которой запах держался ещё с утра, и пошла к выходу, прижимая папку к боку.

Во дворе архива воздух был плотнее, чем в зале. Солнце стояло над крышами мутным пятном, без лучей, и по асфальту тянулась серая полоса, которую никто не убирал. Вера остановилась у ступеней и достала телефон. Пальцы были холодными, и экран не сразу откликнулся на касание.

Она хотела позвонить Лапшину, но не стала набирать номер сразу. Сначала открыла блокнот и перечитала список. Строка про лист сорок третий стояла на месте. Строка про фототаблицу тоже. Она подумала, что список будет читать человек, который не видел ни зала, ни дежурной, ни карандашных значков под лупой, и потому каждая строка должна была говорить сама за себя.

Потом она подумала о цифре «4» с загибом. Вспомнила полях второго тома, пометку о допросе воспитательницы. Почерк был мелким, почти учительским, и нажим там был другой, мягче. Значит, не одна и та же рука, или одна и та же, но в разное время. Вера не знала, какой из двух вариантов ей нужен. Оба одинаково мало помогали.

Она набрала номер Лапшина. Гудки шли долго, так долго, что она успела дважды отвести телефон от уха и посмотреть

на время. Наконец он ответил, и в трубке было слышно, как кто-то разговаривает неподалёку и хлопает дверь.

— Слушаю, — сказал Лапшин.

— Это Корф. Мне нужна опись по тому делу, которую вы показывали Глебу Андреевичу. Та, что с сорок третьим листом.

Он помолчал. В трубке щёлкнула зажигалка, и Вера представила, как он стоит у окна, прикрыв ладонью огонь, хотя в коридоре, скорее всего, никого не было.

— Какую именно, — сказал он наконец.

— Которую вы сами переписывали. С перестановками.

— Вы в архиве?

— Да.

— Тогда я вам ничего не скажу по телефону, — ответил он ровно, без раздражения. — И вы мне тоже лучше не говорите, что вы там видели. Приходите в отдел. Не сегодня, завтра утром. Или даже сейчас, если сможете.

— Я могу привезти свой список.

— Привозите. Только не показывайте его никому в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.